

ПОЭТ И ЕГО ПЕРЕВОДЧИК

АО Тао Юань-мина история китайской литературы знала многих замечательных поэтов. Цюй Юань (340—278 годы до н. э.), с его романтической устремленностью к прекрасному, с его неумной жадой справедливости и добра, был величайшим среди них. Вторым после Цюй Юаня стал Тао Юань-мин (365—427 годы н. э.), который своим творчеством открыл еще одну яркую страницу в художественном познании действительности.

Понять Тао Юань-мина, жившего в IV и V веках, — значит понять культуру Китая того времени во всей ее совокупности, его историю, философию, религию, его литературу, начиная с древнейшего памятника «Шицзин». Ни в какой другой поэзии мира сила традиции не проявлялась столь явно, как в поэзии китайской, и эту ее особенность можно обнаружить в творчестве Тао Юань-мина, хотя для него традиционность была, быть может, лишь основой, опираясь на которую он совершил свой поэтический подвиг.

Поэзия Тао Юань-мина явилась высшим взлетом художественной мысли своего времени. Она вобрала в себя все лучшее, что было создано до нее, и сама раскрыла читателю неповторимый, удивительный мир образов, звуков и красок.

Ответственна и трудна задача литератора, решившегося перевести Тао Юань-мина, чья поэзия

отличается удивительной емкостью и глубиной. Ведь подлиннику свойственна сложность ассоциаций, когда написанное кажется лишенным смысла, потому что поэт довольствуется лишь некоторыми звеньями в цепи ассоциаций и опускает ненужные ему, между тем как переводчик обязан восстановить всю цепь. Поэзия Тао Юань-мина трудна для перевода еще и потому, что вокруг нее возникла сложная комментаторская литература, в которой нелегко разобраться и перед которой даже самый искушенный переводчик станет в тупик, раздираемый сомнениями из-за обилия концепций, оценок и разъяснений, часто прямо противоположного характера.

В Л. З. Эйдлине счастливо со-

четаются поэт и ученый. Лирика Тао Юань-мина в его переводе могла появиться лишь благодаря многолетней исследовательской работе над произведениями китайского поэта.

У меня не было желания сверять переводы с подлинником, и не только потому, что я знаю, как скрупулезно точен в своей работе переводчик, но главным образом потому, что сами стихи убеждают нас в своей достоверности: «И блещут и горят надо мною просторы небес, и бела и светла предо мною равнина реки». Однако бес сомнения заставил меня взять в руки китайский текст. И я там прочел: «И блещут и горят надо мною просторы небес, и бела и светла предо мною равнина реки». Точность перевода сочетается с умелой передачей музыки стиха, с отлично найденными повторами, настраивающими читателя на определенный лад. И так переведена вся книга.

Прелестны в своей художественной завершенности стихи «Птица, прилетевшая обратно»; полно грусти и спокойного юмора, идущего от мудрости прожитых лет, стихотворение «Укоряю сыновей»; по-настоящему волнует «Поминальная песня», переведенная строго и сдержанно.

Человек, углубившийся в чтение этой книги, встретится с живым Тао Юань-мином, а не с бледным его подобием. Просто Тао Юань-мин заговорил по-русски, чтобы рассказать нам о своей любви к людям и об уверенности своей в их лучшем будущем.

Л. ЧЕРКАССКИЙ

ДАГОМЕЯ, АФРИКА, МИР

ВМЕСТЕ с завоеванием политической независимости перед народами Африки встает задача «духовной деколонизации», возрождения национальной культуры. Молодые государства долж-

ны осуществить подлинную революцию в системе образования, ибо колониальное наследство в этой области не менее тяжело, чем в других сферах жизни бывших европейских владений. Нужны новые школьные программы, новые учебники, которые отвечали бы нуждам африканских государств, готовили патриотов — граждан своей страны, а не поданных бывшей метрополии.

Среди новых учебных пособий, созданных для африканских

Тао Юань-мин. Лирика. Перевод с китайского Л. Эйдлина, М., издательство «Художественная литература», 1964, 152 стр.

A. Mondjannagni, J. Pliya, A. Journaux, P. Pélissier. La Dahomey, L'Afrique, Le Monde. Géographie à l'usage des cours moyens du Dahomey, Caen, 1963, 112 p.